

Евгений ЩЕПЕТНОВ

ЛЕКАРЬ

МОСКВА

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

ЛЕКАРЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Иллюстрация на переплете *Юлии Пасынковой*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Лекарь / Евгений Щепетнов. — Москва :
Эксмо, 2025. — 544 с. — (Новый фантастиче-
ский боевик).

ISBN 978-5-04-210941-6

Простому человеку нелегко выжить в чужом мире — даже если в его руках огромная сила. Влад попал в другой мир, обрета магию и новое тело, но не отступил от своих принципов. Шаг за шагом новоиспеченный «магик» учится использовать Силу, исцеляя друзей и сражаясь с врагами. В мире магии, где возможно всё, даже простой лекарь может добиться многого.

«Я буду жить так, как я считаю нужным. И буду биться за своих так же, как и они за меня. И так было всегда — и том мире, и в этом».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щепетнов Е.В., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025
ISBN 978-5-04-210941-6

Глава 1

Щека Владимира ощущала шероховатую, колючую поверхность... он не мог определить, что это было... его глаза медленно стали открываться, муть в них постепенно проходила... взгляд уткнулся в тёмный потолок над головой. Доски потолка, почему-то не покрытого известкой или какой-то краской, были темны, как бы закопчены. Владимир стал мучительно вспоминать — где он, что с ним.

Он шёл из спортзала к машине, которую припарковал у банка напротив, через дорогу. Как обычно, поставить машину было негде — какие-то уроды заставили все парковочные места своими грязными, заляпанными смесью песка и снега машинами, и ему нашлось место только на вершине сугроба, образованного той же смесью песка, грязи и снега, что залепляла всё, к чему могла прилепиться. Он с мстительной радостью загнал туда свою «Ниву», с удовольствием в который раз констатируя, что в нашей жизни вездеход не роскошь... Занятия прошли как обычно — он начал с тренажёра, прокачивающего грудные мышцы, перешёл на отжимание штанги... потом на другой... третий... Через два часа и после выпивания пол-литровой бутылочки противной негазированной воды (в который раз он обматерил себя, что забыл купить в магазинчике литровую бутылку газиров-

ки — тут всё было в два раза дороже, в буфетике спортзала). Владимир стал ходить в спортзал после того, как почувствовал, что стал сильно тяжелеть — ему только что исполнилось 50 лет... грустная дата. Как пел один бард в песне про тридцать лет: «А потом начинаешь спускаться, каждый шаг осторожненько взвеса, в пятьдесят — это словно как в двадцать, ну а в семьдесят — словно как в десять...» Так что — Владимиру, судя по этим словам, было сейчас двадцать лет. Он был атлетического сложения — сказалась спортивная молодость: занятия рукопашным боем, дзюдо, штанга; отец в юности увлёк его гириями. Увы — самостоятельные занятия тяжёлой атлетикой плохо сказались на его фигуре — никто не подсказал ему, что, когда тягаешь железо, необходимо стягивать живот ремнём, чтобы не растянуть мышцы живота. Живот с годами покрылся слоем благоприобретённого жира — пиво, вкусные копчёности, и это его сильно раздражало. Отвратительно — и силы хватало, реакция у него была молниеносная — как у двадцатилетнего, но зеркало, это мерзкое изобретение цивилизации, демонстрировало ему седого бородатого мужика, слегка смахивающего на Николая II, только у того седины не было... а может, была? Может, и была, но уж точно не такая — он не прошёл через «лихие девяностые», не был под следствием по навету, не выживал, вытаскивая свою семью из нищеты. Владимир не любил вспоминать об этом времени, было всё — от состоятельной жизни до полной нищеты. При мысли об этом у него щемило сердце... Теперь дети были взрослые, более-менее устроенные, жена не работала — содержала хозяйство, их небольшой загородный домик, у него был небольшой стабильный доход от мелкого бизнеса...

Володя опять пошевелил головой, глаза окончательно сфокусировались, он повернул голову и осмотрел помещение, насколько позволила ему шея... Большая комната была темна, и лишь отблески огня метались по бревенчатым стенам, выскакивая лучами из щелей и дырочек в печи. Печи? Какой на хрен печи — дошла до него абсурдность происходящего — откуда печь в городе? Как я оказался в этом сарае? Владимир попытался сесть, но руки и ноги не слушались, после небольшого усилия его накрыла волна тошноты, и он провалился во тьму. Следующее пробуждение было уже полегче, глаза открылись сразу, а нос почувствовал запах какого-то варева. На его груди стояла глубокая, похоже, деревянная чашка, а к губам его была приставлена деревянная же ложка, видимо, наполненная чем-то вроде бульона и настойчиво пропихивающаяся через его сомкнутые челюсти.

— Пей! Пей, а то сдохнешь!

Он скосил глаза и увидел женское лицо вблизи себя. Волосы, собранные в гладкий хвост, обтягивали маслянистой блестящей волной голову небольшой пожилой женщины. Владимир подумал: как бабушка, она всё мазала волосы маслом... что за дурацкая привычка — мазать волосы маслом. Вот откуда присказка «масляна головушка» из русских сказок. Эта дурацкая мысль не помешала ему раскрыть рот, и в него пролилась тёплая пахучая струя варева; чтобы не захлебнуться, он жадно сглотнул, затем ещё ложка, ещё... он боялся захлебнуться, но ему вдруг очень захотелось есть, и Владимир неожиданно для себя поднял руку — что далось ему уже легче — и потянул чашку с груди к губам, захлебнувшись бульоном и залив себе глаза и лицо варевом, закашлялся.

— Ну что ты как ребёнок, — сердито прикрикнула женщина, — ну вот, всё пролил, теперь мокрый будешь лежать!

Она вытерла ему лицо тряпочкой. У него из глаз вдруг полились слёзы — чувство собственной беспомощности, слабости было сродни чувствам младенца... Ему вдруг показалась такой родной и близкой эта незнакомая женщина, как будто он увидел свою давно умершую мать... Руки женщины были тёплые, шершавые, и от них веяло силой, добротой и какой-то уверенностью... В животе его приживался крепкий бульон, распространяя по телу усталость и сон. Владимир снова уснул.

Следующее пробуждение было активнее — кто-то тряс его за плечо, не обращая внимания на то, что он пытался спрятаться в спасительной темноте — когда спишь, не так всё страшно и странно, вроде как ничего и не случилось. Пробуждение опять поставило его перед фактом — он неизвестно где, бессильный, слабый, фактически умирающий. Он попытался что-то сказать нависшей над ним женщине, из горла вырвался какой-то клёкот, хрип, женщина приказала ему молчать, поставила на грудь чашку с пахучим бульоном и стала, макая в чашку, совать ему в рот кусочки пропитанного соком хлеба. Хлеб был размокший, пах одуряюще вкусно, Владимир, давясь, стал его глотать, пока женщина не заявила:

— Всё, хватит на сегодня, а то плохо будет.

Он опять расслабился, только теперь не сразу уснул, а стал следить взглядом за перемещающейся по комнате женщиной, прислушиваясь к ощущению тяжести в животе. Тошнота, видимо, отступила, тело настойчиво требовало пищи. Владимир стал думать — куда же он попал?

Как оказался в деревне? Он вышел из спортзала, налетел порыв сильного ветра, поднявший снежную пыль и севший в глаза ледышками. Ветер задувал через не до конца застёгнутую куртку, пробрав ознобом. Владимир уселся на водительское сиденье, воткнул ключ в замок зажигания, повернул, машина затарахтела стартером, завелась, заглохла — он поморщился и снова повернул ключ. Наконец машина завелась и неровно заработала своим усталым двигателем, прошедшим огни и воды. Владимир собрался сдать назад, включив заднюю скорость, потом передумал и достал из кармана сотовый телефон — он оставлял его в кармане, занимаясь в зале, могли быть звонки или СМС, которые он не увидел. Владимир стал рассматривать экран аппарата, и вдруг по крыше машины раздался сильный хлёткий удар, как будто кто-то ударил по ней железной цепью, лобовое стекло треснуло, покрывшись сеткой трещин, двигатель сразу заглох, а в салоне что-то заискрило и запахло озоном. Не понимая, что произошло, Владимир выматерился, ошеломлённый, собрался открыть дверь и вывалиться из машины, но внезапно заметил перед лицом сияющий шарик, с мандарин размером, который парил перед ним и медленно колебался из стороны в сторону, подчиняясь какому-то неизвестному и причудливому ритму. Владимир осторожно убрал голову подальше от шарика: бя — неужели шаровая молния? Участь Рихмана что-то мне никак не катит, пожить бы ещё, подумал он и стал осторожно отодвигаться от шара в сторону, с намерением пролезть на заднее сиденье. Шарик, как будто на невидимой ниточке, потянулся за ним, приближаясь всё ближе и ближе. Владимир зашевелился быстрее, шарик тоже ускорился...

— Ааааа! Блядь, отстань!

Шарик приблизился к лицу Владимира и с грохотом соприкоснулся с его головой. Вспышка, грохот, тело свело судорогой, закрутило, и сознание покинуло тело. В следующий раз Владимир очнулся уже на лежанке в бревенчатом доме. Он стал размышлять — что же это было, что упало на машину? Вспомнил, что машина стояла под столбом электропередачи — может, провод упал, оборвался? Скорее всего: ещё когда он шёл в спортзал, обратил внимание, что провода облеплены льдом после прошедшего дождя — отвратительно, на улице мороз 3 градуса, а идёт дождь, дорога сразу превращается в каток, провода провисают; облепленные льдом, деревья сгибаются под тяжестью замёрзшей воды, обламывая трещащие ветки, троллейбусы двигаются осторожно, испуская снопы искр из-под контактов, как будто работает гигантская электросварка. Такое за жизнь Владимир наблюдал не менее трёх раз — природные аномалии такого рода были нечасты, но и не так уж феноменальны — природа есть природа, сюрпризов у неё предостаточно. Вот только такой сюрприз, как падение оборванного электропровода на его машину, был ему абсолютно не нужен. Он любил свою «проходимку», на которой он форсировал реки, после чего вода плескалась в фарах, и удалить её оттуда было проблемой; пролазил по такой грязи, в которой пешеход бы увяз и оставил свои сапоги навечно... и вот теперь какой-то мерзкий провод раздолбал её. И денег на ремонт нет... Он опомнился — каких денег? Тут ещё понять — где он вообще-то находится? Что с ним? Ладно — успокоился он, — надо немного укрепиться, и там всё выяснится. У него опять защемило сердце: близкие будут пережи-

вать, куда он делся. Что бы с ним ни случилось — он всегда возвращался домой. Пьяный ли, сраный, больной или раненый — всегда приползал домой. Дом — это свято. И вот теперь...

Глаза его закрылись, мозг не выдержал перегрузки, Владимир провалился во тьму. Так продолжалось, по его подсчётам, не меньше недели — женщина кормила его руками, накладывая в его рот размоченные кусочки хлеба и заливая бульон, скоро сменившийся некой кашницей из растолчённого мяса пополам с бульоном. К концу недели его организм укрепился настолько, что он стал шевелиться, садиться на топчане, а потом взбунтовался, и его потянуло на хмммм... В общем, женщина повела его к заведению во дворе дома, так как воспользоваться кадкой он не захотел (деревянная кадка — он потрясённо оглядел её — он такие кадки видел только в сказках Роу!). Воспользовавшись заведением, он огляделся, ища туалетную бумагу или хоть газетки — заодно посмотреть на газетках, где он находится, не обнаружил ничего, кроме большого сосуда вроде кумгана, усмехнулся — татары, что ли, — там только подмываются из кумгана после этого... Ну или восток... Сделал свои дела и по стеночке выполз из заведения, шатаясь и дрожа от слабости. Встав на обе ноги и укрепившись, он поднял голову и осмотрелся: вокруг стоял мачтовый сосновый лес, похожий на лес на картинах Шишкина, бревенчатый дом стоял на большой поляне, за ним было что-то вроде огорода, на котором росло непонятно что — рассмотреть было невозможно. Зимой и не пахло... А вот запах хвои, лесных трав и раздавленной клубники шибал в нос, перебиваемый только запахом сортира. Владимир сделал несколько шагов по направлению к дому и жен-

щине, стоявшей к нему спиной. При дневном свете он рассмотрел её, насколько мог, — невысокая, крепкая, голова затянута простым коричневым платком, на теле что-то вроде сарафана, на плечах шаль — было немного прохладно и сыро — видимо, ночью был дождь. Она обернулась на шорох, и на её жёстком, покрытом морщинами лице возникла полуулыбка.

— Ну что, оклемался? Я думала, не жилец. Ну, пошли в дом... обопрись на меня, а то шандарахнешься и испачкаешь мне мозгами крыльцо, а я его только что вымыла.

Они побрели в дом, Владимир с трудом преодолел ступеньки крыльца, наконец забрался в комнату и, хрипло дыша, кашляя и задыхаясь, свалился на топчан. Руки и ноги предательски дрожали, а в глазах плавали радужные круги. Да, Вова, подумал он, задохлик ты стал ещё тот. Надо как-то преодолевать, не вечно же мне тут валяться... А где тут-то? Где я? Надо с женщиной поговорить. Он собрался с силами, со скрипом и хрустом в суставах приподнялся и спустил ноги с топчана, привыкая и удерживая равновесие. Женщина возилась у печи, чем-то булькая и переливая, потом обернулась, поднося к нему чашку с парящим, видимо, очень горячим варевом, пододвинула ногой к топчану табуретку и поставила деревянную чашку на неё, погрозив Владимиру пальцем:

— Не хватай, горячо! Пусть остынет. Сейчас ложку и хлеба принесу.

Владимир в очередной раз подсознательно отметил, что что-то в её речи неправильно — то ли акцент какой-то, то ли слова как-то неправильно ставит, что-то в ней было неправильное. Ну как бы вот слышишь мордвина — говорит по-русски, правильно, но вот ударения

и произношение слов не те... Слышно, особенно когда за свои 50 лет наслушаешься любых акцентов и слов, начинаешь сразу определять, откуда человек, а тут — непонятно. Обстановка странная... Женщина подошла к нему, сделала лёгкое движение рукой, как будто кидала что-то легко, у потолка загорелся шарик, вроде электрической лампочки. Владимир вздрогнул и вытаращил глаза, ошеломлённый картиной. Женщина удивлённо воззрилась на него:

— Ты чего, светлячка не видал ни разу? Чего так напугался?

— Не видал... у нас так не умеют. — Он посмотрел на женщину и с волнением спросил: — Я вообще где? Это что за местность, как я сюда попал? Вы кто? Как мне попасть в город? Мне надо связаться с семьёй, они волнуются, потеряли меня, наверное. Что это за глушь? Я в городе был, когда потерял сознание.

— Сколько вопросов сразу... ну, начнём по порядку. Я Марьяна. И не надо меня на «вы» звать — я простая деревенская целительница, только дворян на «вы» зовут и по имени-отчеству. Ты на моём хуторе, рядом деревня Карауловка, двести дворов. Самый близкий город — Лазутин, пятьдесят вёрст вниз по реке. Как ты тут оказался — я не знаю. Я тебя нашла на огороде. Грядку мне всю помял. Да сама пол-огорода помяла, пока тебя тащила в дом — вот ты наел телеса. Хотя это тебя и спасло — ты месяц лежал в обмороке, пока очнулся. Не было бы запасов в теле — умер бы от голода. И так чуть не умер. Вовремя оклемался. Думала, тащить опять, яму копать, надрывать, — женщина хмыкнула ехидным смешком. — Если бы я не была целительницей — не выжил бы. Я уж и так и сяк тебя силой поднимала, руки

накладывала, и только через месяц начал оживать, шевелиться. Я, конечно, не сильная колдунья, но кое-что могу, дак вот на пределе моих способностей это было. Могу лечить силой, могу травами отпаивать, могу небольшие колдовства делать — вот как светлячок этот, — но это все могут, кто силы касаться может, и ты тоже... я по ауре вижу — можешь, только не обучен. Вот всё, что могу сказать. Давай ешь, пока совсем не остыло, потом будем разговаривать. Жуй, жуй... набирайся сил.

Она придвинула к нему чашку с похлёбкой, Владимир стал хлебать из миски, заедая куском хлеба, отрезанным от каравая. Полученная информация его ошеломила — ну он любил фэнтези, про попаданцев всяких, что-то ему нравилось, что-то его раздражало, но, в общем, это было неплохое времяпровождение, но вот чтобы самому попасть... куда? Хрен знает куда. Говорит вроде по-русски, с каким-то акцентом, правда, но цивилизацией и не пахнет. Всё застыло на уровне Средневековья... а может, и бронзового века? Да запросто. Стоп — на печи чугунная плита, нож стальной — это не бронзовый век точно. Значит, примерно Средневековье. На это указывает и упоминание о дворянах. Раз есть дворяне — есть двор, есть царь и так далее. Параллельный мир? Ну почему и нет — Владимир допускал, что в жизни есть много чего неизвестного, недоступного пониманию. А уж про шаровые молнии столько всяких таинственных историй было — до современности так никто и не знает, что это такое, куда деваются и откуда приходят. И самое главное — куда уходят. Кого-то они убивают, а кого-то не трогают... В общем, ему повезло как утопленнику — забросило хрен знает куда и зачем, без средств к существованию, без информации, без на-

дежды на возвращение. Его взяла такая тоска, что впору завывать в голос, как собаке... Он бросил ложку — кусок в горло не лез. Марьяна внимательно посмотрела на него:

— Так, кончай нюниться — ты жив, скоро будешь здоров, люди и без ног и без рук живут, а ты здоровый, сильный мужик, что-нибудь придумаешь, крыша над головой есть, еда — слава тебе, Боже, — у нас есть, а там как судьба будет. Прекращай, бери ложку и ешь. Окрепнешь — будешь мне по хозяйству помогать, а там разберёмся. Ко мне люди ходят лечиться, я им помогаю, мне платят, еды приносят, проживём. Не выгоняю же я тебя... грех немощным отказать в помощи. Вот окрепнешь — там сам решишь, что и как.

Владимир дохлебал суп и отвалился на лежанку. На него опять накатила усталость, и он провалился в тревожный сон.

Через неделю Владимир уже свободно перемещался по двору, выполняя мелкие работы вроде колки дров или копания огорода. Тело уже укрепилось, кожа не висела на теле, как складчатая простыня, к мускулам возвращалась былая сила. Нет худа без добра — лишний вес ушёл, оставив лишь свитые в жгуты мышцы и крепкие кости. Владимир всё реже присаживался на чурбак, утихомиривая бьющееся, как птица в клетке, сердце и пережидая одышку. Ему нравилось колоть дрова — работа на свежем воздухе и физические упражнения быстро развивали его тело, у него проснулся ужасный голод, он был готов есть целыми днями, так, что Марьяна беззлбно поругивалась и кричала, что он проглот, и она на него не напасётся харчей. Впрочем, она была явно довольна, что Владимир быстро восстанавливается —

это была её заслуга как целительницы, и как художник или скульптор, восхищённый своим талантом, она радовалась своим успехам в целительстве. Поставить на ноги практически безнадежного больного было очень интересно. Как сказали бы врачи — «интересный случай». Видимо, люди двух миров мало отличались друг от друга психологией. Только вот цивилизация в одном случае пошла технологическим путём, а в другом — путём развития духовных способностей, говоря языком мира Владимира, а местные это называли магией или Силой. Владимир по мере возможности выспрашивал у Марьяны об этом мире, и через месяц у него уже сложилось примерное представление о том, как всё выглядит. Конечно, деревенская целительница мало что могла пояснить о дальних странах, о каких-то нюансах жизни за океаном, но о жизни в этой стране она могла рассказать довольно подробно.

Эта страна представляла собой конгломерат из различных народов и народностей, от русских до китайцев — как понял Владимир, китайцы мигрировали из своей страны из-за перенаселения или каких-то ещё причин, но обосновались тут, в средней полосе, подчиняясь императору. Страна называлась Истрия (Владимир так и не понял откуда взялось название), во главе стоял Император, ему подчинялись герцоги, графы и разнообразные сложные структуры — помесь каких-то торговых гильдий и дворянских родов. Тут не было такого чёткого деления на дворян, которые ничего не делают и лишь являются получателями дохода от земель, и купеческое сословие — дворяне торговали и состояли в гильдиях. Купцы могли купить себе титул — правда, с какими-то ограничениями, впрочем, это было

и в Российской империи. Где-то на этом уровне и застрял этот мир.

Самым главным фактором, влияющим на жизнь, было наличие магии — ну, к примеру, если вы зарядили пушку порохом, надеясь раскидать кишки противника по кустам, а в стане противника находится боевой маг — по кустам будут раскиданы ваши кишки. Он просто взорвёт порох на расстоянии. Не могут долететь до цели и снаряды, если отправить их издалека, или ракеты — их можно взорвать в воздухе. Из-за электрических разрядов, сопровождающих заклинания (впрочем, громко сказано — заклинания; волшебба творилась как-то по-другому, без завываний, воплей или речитатива каких-то непонятных слов — Владимир пока не разобрался, как это происходило), не могли работать электроприборы, которые неминуемо сгорели бы просто на корню. Об электронике не могло быть и речи. То же самое касалось двигателей внутреннего сгорания и т. д., могли работать только паровые двигатели, но они как-то не получили распространения — слишком низкий КПД и большое потребление материалов. Впрочем, Владимиру казалось, что это просто консервативность людей и непонимание выгод этих машин. Но ведь он смотрел на проблему с точки зрения современного человека технологичного мира...

Дни в «избушке» текли размеренно, спокойно, днём время от времени приходили люди, которых Марьяна принимала в пристройке к дому — что-то вроде этакой клиники; она говорила — ну не тащить же болезни в дом. Владимиру после приходилось вымывать стол и топчан в этой «клинике», иногда залитый гноем и кровью. Марьяна при этом злорадно хихикала и пригова-

ривала: «Вот тебе хлеб целителя! А ты думал, розами тут пахнет?!» Владимир ничего тут не думал, кроме череды виртуозных матерных словосочетаний в адрес больных и ехидной старушенции. Впрочем, старушенцией её можно было назвать только с натяжкой, язык не поворачивался — настолько она была энергичной, крепкой. Возраст её можно было определить... хмм... нельзя было определить — от шестидесяти до... хрен знает, сколько они тут живут, думал Владимир. После осторожных расспросов узнал, что возраст живущих напрямую зависит от способностей обладать Силой, а очень сильные магики могут жить практически неограниченно — но таких было очень мало, Марьяна в своей жизни (а ей было 120 лет) не встречала. Это было примерно так же, как встретить долгожителя с Кавказа — он где-то там есть, живёт уже 180 лет, но где-то в Воронеже его нет. (Ты не видишь сурка — а он есть!) Марьяна могла прикладываться к Силе, но её каналы могли пропустить только небольшое количество Силы, а потому большими способностями она не блистала. Зажечь магический светлячок, воздействовать на ауру больного с целью излечения, срastить небольшую ранку или остановить кровь, убить бактерии в ране — ну и ещё ряд небольших чудес были доступны ей. Даже чтобы срastить кость, ей бы потребовалось неделю сидеть непрерывно над ней, возложив руки и истощив себя до изнеможения. Посему основным способом лечения были гомеопатические средства и способы обычных врачей всех миров — шины, лекарства, скальпель. Умение целительствовать обычно не передавалось по наследству в одной семье. Как понял Владимир, у Марьяны семьи не было, муж давно умер, и он не был магиком. Так и текла её жизнь

тихо и спокойно — до тех пор, пока в грядку календулы не свалился здоровенный стокилограммовый мужик...

Утро началось с истошных воплей петуха, который влетел на плетень и, надсаживаясь, орал на всю округу, заявляя свои права на окружающие земли и гарем. Владимир потянулся, с хрустом распрямив руки и поводя плечами. Потом резко спустил ноги с лежанки, откинув шерстяное одеяло и отходя от тревожного сна. Его всё мучили кошмары, в голове проплывали какие-то обрывки прежних воспоминаний... всё почему-то заливалось светом, как из неоновой лампы. Это повторялось день ото дня, и никакие тяжёлые физические работы, усталость, никакие отвары не могли заглушить смятение души. Он почесал левое плечо и в который раз посмотрел на тёмное пятно на плече, от которого отходили «ветви» — это был след вхождения в дело шаровой молнии. Что интересно — выходного пятна не было, хотя обычно в этом случае где-нибудь на ноге всегда бывает выходное пятно; энергия молнии (если это была молния) как бы потерялась в организме. Владимир встал, ещё раз потянулся, надел штаны, натянув их на свои единственные трусы.

Надо сказать, что о трусах тут и не слыхивали. Люди спали или в одежде, или голые. Или в таких рубахах, которые Владимир видел в исторических фильмах... Марьяна смеялась, глядя, как он упорно держится за пережитки своего мира, будучи вынужден стирать свои трусы через день. Ей это казалось ужасно смешным и глупым, о чём она обязательно сообщала при каждой удобной возможности. Сегодня у «клиники» уже ждали трое крестьян, один держал на весу перемотанную тряпкой руку, тряпка была пропитана кровью, и лицо его было бледно.